

С. П. МЕЛЬГУНОВ О РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ НА УРАЛЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Константинов Сергей Иванович

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: konstantinov2904@mail.ru

На основе архивных данных анализируются события 1921 г. в Екатеринбурге, связанные с побегом из концлагеря группы офицеров, которые нашли отражение в исследовании первого историографа красного террора в России С. П. Мельгунова. Автор полемизирует с тем, как освещены эти события не только в книге С. П. Мельгунова, но и в исследованиях современных историков.

Ключевые слова: красный и белый террор, Екатеринбургский концлагерь № 1, побег офицеров, герои и антигерои гражданской войны на Урале

S. P. MEL'GUNOV ON THE REPRESSIVE POLICY IN THE URALS AND CONTEMPORARY HISTORICAL RESEARCHES

Konstantinov Sergey

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: konstantinov2904@mail.ru

The article, based on the archival data, addresses the events of 1921 in Yekaterinburg when a group of officers escaped from the concentration camp. These events were highlighted in the book of the first historiographer of the Red Terror in Russia S. P. Mel'gunov. The author enters into polemics about description of these events not only with S. P. Mel'gunov but with contemporary historians as well.

Key words: Red and White Terror, concentration camp № 1 in Yekaterinburg, escape of officers, heroes and anti-heroes of civil war in the Urals

Экономические санкции, беспрецедентное давление на Россию в последнее время и вместе с тем успехи страны на международной арене вновь привлекают внимание к непростой истории нашей страны. Об этом свидетельствуют многочисленные ток-шоу на телевидении и радио, оживленные дискуссии в Интернете и прессе. В качестве примера можно привести передачу «Красный проект» на канале ТВЦ. Обострился интерес исследователей и к такой теме, как красный и белый террор в России в годы революции и гражданской войны¹.

Зачастую вопросы возникают не только в связи с достоверностью и полнотой исторических источников, но и в связи с их интерпретацией современными историками, соблюдением ими принципов историчности, достоверности фактического материала. При этом, безусловно, следует учитывать как само историческое сочинение, так и личность автора и те задачи, которые он ставил перед собой. Рассмотрим с этой точки зрения работы двух авторов: одного из первых исследователей проблемы кра-

¹ Гагкуев Р. Г., Цветков В. Ж. Красный и белый террор // Революция и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.: фотоальбом. М., 2016; Ратковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017; Его же. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017; Агабеков Г., Думбадзе Е. ГПУ. М., 2018 (гл. II «ЧК на Урале»); Белая армия. Белое дело: истор. науч.-популяр. альманах. Екатеринбург, 2017. Вып. 24.; Политические репрессии на Урале. 1918–1953 гг. Екатеринбург, 2017 и др.

сного террора в России С. П. Мельгунова и основателя научно-исследовательского центра «Белая Россия» в Екатеринбурге Н. И. Дмитриева.

Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956 гг.), выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1904 г.), стал признанным специалистом в области истории церкви в России, организатором издательства «Задруга», журнала «Голос минувшего». В 1907 г. он принял деятельное участие в создании народно-социалистической партии, став затем товарищем председателя ее ЦК. Активно поддерживал Временное правительство, но откровенно заявлял, что с первых дней Октябрьской революции стал «непримиримым врагом советской власти» и вел против нее «активную борьбу». На этом пути его ждали 23 обыска, 5 арестов, 6 месяцев жизни на нелегальном положении, полтора года заключения в тюрьмах, страшная угроза расстрела. И наконец высылка из России в октябре 1922 г.

После встреч и общения с такими людьми, как Лев Толстой, Петр Кропоткин, Борис Савинков, Мельгунов вследствие случайного ареста 1 сентября 1918 г. в октябре имел трехчасовую беседу с Ф. Дзержинским и был отпущен под поручительство большевика П. Г. Дауге и самого Дзержинского. Правда, о его руководящей роли в «Союзе возрождения России», созданного весной 1918 г., руководитель ВЧК тогда еще не знал. В условиях конспирации «Союз» налаживал переправку на Добровольческий юг офицеров, формировал свою военную организацию, получал деньги от союзнических миссий.

В то же время после четвертого ареста в феврале 1920 г., находясь в одиночном заключении, Мельгунов сумел написать большую работу о Великой французской революции, воспоминания о своей жизни до Мировой войны, ряд статей и заметок. Позднее, в эмиграции, он опубликовал часть написанного с пометкой: «Камера 33. Внутренняя тюрьма Особого отдела ВЧК». И это при том, что в характеристике на него, представленной следователем Я. Аграновым Ф. Дзержинскому 19 марта 1920 г., говорилось: «С. П. Мельгунов является руководителем и идейным „вождем“ Союза возрождения... Мельгунов, несомненно, является одним из активных врагов пролетарской революции. Бешеная ненависть его к Советской власти и коммунистической партии, его чрезвычайная непримиримость поражает даже его друзей по заговору, таких убежденных монархистов, как О. П. Герасимов, кн. С. Е. Трубецкой...»

После суда Верховного революционного трибунала по делу так называемого Тактического центра в августе 1920 г. из 28 подсудимых четверо были приговорены к расстрелу, включая Мельгунова. Однако расстрел всем был заменен десятью годами тюремного заключения. А после хлопот за него В. Фигнер, П. Кропоткина и даже Академии наук 13 февраля 1921 г. Мельгунов вышел на свободу. В октябре 1922 г. о высылке за границу Мельгунову сообщил лично В. Р. Менжинский¹.

Все написанное Мельгуновым за годы изгнания позволяет назвать его крупнейшим историком русского зарубежья антисоветской направленности. Неудивительно, что за первые же статьи на тему красного террора через год после высылки из России он был решением ВЦИК лишен советского гражданства.

Насколько объективны сочинения С. П. Мельгунова, можно судить по его же высказываниям: «Факты сами по себе остаются фактами, как ни разно они понимаются в исторических исследованиях, по неизбежности всегда субъективных...», «История – не летопись, и на страницах своего труда историк революции творит тот же суд

¹ Дмитриев С. По следам красного террора. Об историке С. П. Мельгунове и его книге // Наш современник. 1991. № 1. С. 142–155.

над людьми и событиями, что и современник. С той же субъективностью подходит он к оценке событий близкого и далекого прошлого...», «Я не могу взять ответственность за каждый факт, мной приводимый...». В этом отношении работа Мельгунова имеет большое сходство с произведением «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына¹.

Получившая широкую известность книга С. П. Мельгунова «Красный террор в России» была переиздана шесть раз (первое издание – в 1924 г.). Современные исследователи этой проблемы признают, что именно С. П. Мельгунов сформулировал концепцию происхождения и содержания политики красного террора, *альтернативную советской*. А также предпринял, по сути, первую попытку историографической оценки вопроса о красном терроре².

Обратимся к тем строкам книги Мельгунова «Красный террор в России», где упоминается Екатеринбург. Относятся они к 1921 г. Ссылаясь на издание «Рев. Россия» № 12/13, Мельгунов сообщал: «Из концентрационного лагеря в Екатеринбурге бежало 6 человек. Приезжает заведующий отделом принудительных работ Уранов, выстраивает офицеров, содержащихся в лагере, и „выбирает“ 25 человек для расстрела – в назидание остальным»³.

Упомянутого в данном отрывке человека на самом деле зовут *Семен Никифорович Ураков*⁴. Родился он 2 февраля 1886 г. в д. Кашжур Вятской губернии в бедной крестьянской семье. Учился в четырехклассном церковно-приходском училище. С 13 лет работал в услужении у владельцев торговых домов в Яранске, затем в Иркутске, Омске. В 1915 г. мобилизован.

Завершив месячное обучение в запасном полку в Новониколаевске (Новосибирск), С. Н. Ураков воевал в 22-м Туркестанском стрелковом полку на Австрийском фронте. После ранения получил звание младшего унтер-офицера. По слабости здоровья в 1916 г. был назначен в 33-м этапный батальон, несущий караульную службу. В марте 1917 г. вступил в партию эсеров, был избран делегатом на съезде крестьянских депутатов, где стал членом исполкома совета крестьянских депутатов. Со 2 мая по сентябрь 1917 г. работал в Петрограде под руководством Авксентьева. В октябре получил отпуск по болезни и уехал в Омск к семье.

Работал в советских органах в Омске, в феврале 1918 г. вступил в РКП(б), а после чехословацкого выступления с 5 мая воевал на фронте. Попал в плен, после двухмесячного заключения в тюрьме бежал, но был пойман и заключен в концлагерь для военнопленных. За попытку бежать через подкоп в лагере ожидал расстрела в большой партии арестованных, но этому наказанию 1 октября 1918 г. подверглись только 12 человек. Так что Уракову, как и Мельгунову, отлично было известно состояние ожидания расстрела. В 1919 г. ему все же удалось бежать и перейти линию фронта на участке 1-й бригады 28-й дивизии В. Азина.

В автобиографии Ураков писал: 14 июля 1919 г. в Екатеринбурге «вместе с т. Штильмахом мы пошли к коменданту Пылаеву и я был назначен Ревкомом т. Мильх комендантом Екатеринбургской тюрьмы»⁵. С 18 июля 1919 г. Ураков стал заведующим Екатеринбургской тюрьмой № 1⁶. 23 сентября 1919 г. просил дать ему

¹ Дмитриев С. По следам красного террора. Об историке С. П. Мельгунове и его книге. С. 153.

² Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. С. 19.

³ Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 76.

⁴ ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 46. Л. 125.

⁵ Там же. Д. 8. Л. 44.

⁶ Там же. Д. 8. Л. 5.

отпуск для поездки в Вятку к родителям, которых он не видел 15 лет, а затем перевести на любую другую работу. Вместо этого в сентябре он был назначен заведующим Красноуфимским исправительным рабочим домом¹, после закрытия которого (1 декабря 1919 г.) стал заведовать Нижнетуринским исправительным домом Верхотурского уезда². В марте 1920 г. Ураков получил новое назначение³.

Еще 5 сентября 1919 г. при Екатеринбургском губотделе юстиции был создан карательный отдел со штатом в семь человек. В январе 1920 г. при нем сформировано бюро принудительных работ для лиц, осужденных к принудительным работам без содержания под стражей, а также с содержанием под стражей до трех месяцев. Это бюро в марте 1920 г. и возглавил С. Н. Ураков.

Что же произошло в 1921 г. в Екатеринбургском концентрационном лагере № 1? События лета 1921 г. подробно описаны Н. И. Дмитриевым⁴. Поэтому нет необходимости излагать их заново, но хотелось бы акцентировать внимание на отдельных эпизодах и дополнить их некоторыми подробностями.

В мае 1920 г. президиум Екатеринбургского губЧК с согласия губкома РКП(б) и губисполкома принял решение о создании губернского концентрационного лагеря. Лагерь, получивший порядковый номер 1, был организован 22 июля и располагался на территории остановленного кирпичного завода, в полукилометре от станции Екатеринбург-I, севернее железной дороги Челябинск – Тюмень (ныне – территория Северного трамвайного депо). Три барака и два деревянных здания не соответствовали ни санитарным, ни гигиеническим нормам, но, тем не менее, стали заселяться заключенными, осужденными на разные сроки принудительных работ. Даже спустя полгода после открытия лагеря его самые явные недочеты исправлены не были.

На это указывает автор статьи, но не приводит и другие сведения. Так, на 30 декабря 1920 г. в лагере содержалось 359 человек, из них 102 работало в учреждениях Екатеринбурга с жильем при лагере и 166 – с жильем при учреждениях города. Таким образом, режим содержания немалой части заключенных был достаточно свободным. Правда, в последующем их количество возросло до 1000 человек, но большинство было также занято на работах в разных городских учреждениях.

В начале ноября 1920 г. в лагере стала функционировать библиотека, насчитывавшая до 1,5 тыс. книг, был даже составлен проект и определена смета строительства в лагере театра на 300 человек. Имелись мастерские: сапожная, портновская, кузнечно-слесарная, столярная. А. Филатов, подписавший 30 декабря 1920 г. акт приема лагеря № 1 от коменданта Попова, правда, отмечал в докладе, что в 1920 г. культурно-просветительная работа в лагере не велась или носила эпизодический характер.

Главный недостаток содержания в лагере состоял в отсутствии надлежащей санитарной обработки поступавших заключенных: баня располагалась от лагеря в 5–6 верстах, а белья и теплой одежды у большинства отбывающих наказание не было. Неудивительно, что осенью-зимой 1920–1921 гг. началась эпидемия тифа, которая бушевала и в городе. Были приняты срочные меры по разгрузке лагеря. 18 ноября 1920 г. 600 заключенных отправили в Нижний Тагил, при этом выдав им после помывки в гарнизонной бане 300 комплектов белья (рубашек и кальсон). В январе

¹ ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 8. Л. 188.

² Там же. Д. 8. Л. 213.

³ Там же. Д. 10. Л. 64.

⁴ Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело: истор. науч.-популяр. альманах. Екатеринбург, 2011. Вып. 19. С. 98–121; 2012. Вып. 20. С. 81–103.

1921 г. 34 наиболее тяжелых больных пришлось отправить в госпиталь. Заразных больных оставалось 24, болевших, но не заразных – 294, повторно заболевших – 531. Таким образом, борьба с эпидемией в лагере все-таки велась.

Питание заключенных в голодном 1921 г. действительно было крайне скудным. Но если сравнивать нормы довольствия в концлагере № 1 и в исправительном рабочем доме № 1, то окажется, что при равной норме хлеба в день (1 фунт, т. е. около 400 г.) мяса или рыбы содержащиеся в лагере заключенные получали даже больше (137,6 г. и 100 г. соответственно)¹. Кроме того, необъективно вырывать страшные факты, свидетельствующие о скудости питания заключенных в концлагере № 1, из контекста общей обстановки в тот период. Приведем выдержки из двухнедельного обзора-бюллетеня по госинформации № 1 Екатеринбургской губЧК за время с 1 по 15 января 1922 г.: «Общее политическое состояние Екатеринбургской губернии за период с 1 по 15 января не улучшилось и остается прежним – неудовлетворительным... В Сысертском детском доме имел место случай голодной смерти двух детей... В Кыштымском заводе питается лебедой до 60 % всего населения. Цена за пуд лебеды достигает 170 тысяч рублей (стоимость пуда пшеницы достигала тогда 1 000 070 руб. – С. К.). В Каменском уезде зарегистрирован случай убийства матерью двух своих дочерей на почве голода. Особенно резко, в форме голода, кризис существует в трех уездах губернии: Каменском, Красноуфимском и части Екатеринбургского...»².

Из лагеря принудительных работ, как и из Екатеринбургской тюрьмы, предпринимались неоднократные попытки побега: только за первое полугодие 1920 г. бежало 23 человека³. Для предотвращения побегов центральная власть предписывала принимать меры. Еще 17 декабря 1919 г. был издан декрет Совнаркома за подписью Ленина о порядке отпуска заключенных на работы в советских учреждениях, где указывалось, что в случае побега заключенного поручителя, под чью ответственность работал заключенный, надлежит немедленно арестовывать на три месяца без права изменения меры пресечения⁴.

Нарастание голода участило побег. В связи с чем был принят приказ Екатеринбургского губисполкома, губчека и губотдела принудительных работ от 27 мая 1921 г. № 118, который гласил: «Ввиду участвовавших за последнее время случаев побега арестованных... а также ввиду того, что неоднократно выясняется, что побег тем или иным заключенным совершен благодаря содействию остальных заключенных из той группы, с которой бежавший находился в одной камере... или на внешних работах... – в целях быстрого прекращения этих явлений и устранения их в будущем, дабы пресечь возможность новых преступных действий со стороны злостных преступников, каковые уже имели место среди сбежавших ранее, настоящим приказывается: ввести во всех местах заключения Екатеринбургской губернии круговую поруку среди арестованных и объявляется для сведения, что с момента издания настоящего приказа впредь за каждого сбежавшего арестованного будет расстреляно 5 человек из той группы, из которой сбежал арестованный, и того рода преступления, к которой относится сбежавший с места заключения или с места ра-

¹ ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–24.

² ЦДОСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 1494. Оп. 1. Д. 82. Л. 2–9.

³ ГАСО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 2. Л. 195.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 50.

бот арестованный...». Приказ подписали председатель губисполкома Израйлович, заместитель председателя губЧК Г. Штальберг, заведующий губотдела принудительных работ А. Зверев¹.

17 мая 1921 г. из лагеря № 1 скрылся Константин Голубев, за ним последовали офицеры Килосов, Короткин, Шайтанов, Щапов и др., всего около десяти человек. Шесть упомянутых ранее офицеров совершили побег 2 июля 1921 г. Обстоятельства этого дела излагает Н. И. Дмитриев. В ходе дознания допрошенные офицеры заявили, что *знали* о приказе № 118 и о возможном расстреле оставшихся в лагере одногруппников, но не предполагали, что такое может свершиться на практике. Хотя некоторые офицеры пытались отрицать факт разговоров о побеге и личного участия в нем, но в ходе разбирательства все вынуждены были признать подготовку к побегу.

В заключении по допросам Ураков писал: «Из настоящего донесения усматривается твердое желание и подготовка к побегу, который был намечен на понедельник. Настоящий побег был предупрежден исключительно благодаря сообщению, сделанному заключенным Степановым Павлом Гавриловичем... К упомянутому Степанову прошу принять меру поощрения, а к остальным применить на основании приказа № 118 высшую меру наказания...»². Этим и ограничилось участие С. Н. Уракова в расследовании упомянутого дела.

В ходе дознания выяснилось, что конвоир красноармеец Бойко в нарушение приказа отпустил девять офицеров, отправленных в лес для постановки изгороди из колючей проволоки вокруг огорода для концлагеря, для сбора ягод и покупки молока у проходивших по тракту деревенских женщин. При этом три офицера (Коземаслов, Чиркунов, фамилия еще одного неизвестна) отказались от побега.

На следующий день в лагере были сформированы два списка. Первый состоял из имен и фамилий пяти офицеров (А. М. Чечулин, Н. В. Бардин, С. М. Алексеев, В. Н. Боярский, В. Н. Левашов), пытавшихся совершить побег. Второй список насчитывал фамилии 25 офицеров, входивших в одни и те же десятки с бежавшими шестью офицерами. Составленные списки комендант лагеря А. Филатов сейчас же направил председателю Екатеринбургской губЧК А. Г. Тунгусову для привлечения виновных «к высшей мере наказания на основании приказа № 118».

В ходе заседания Екатеринбургской губЧК 4 июля 1921 г., в котором участвовали А. Г. Тунгусов (председатель), А. Крылов, Г. Н. Штальберг, А. Я. Калькштейн (секретарь), были рассмотрены оба названных списка. Постановили: «На основании приказа губисполкома, губотдела принудительных работ и губчека всех перечисленных лиц, обвиняемых в организации и содействии побегу, будучи связанных круговой порукой, согласно вышеупомянутого приказа от 27 мая с/г за № 118, подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять». Таким образом, приговор, вопреки утверждению С. П. Мельгунова, был вынесен коллегиально, а не единолично Ураковым. 4 июля приговор был приведен в исполнение.

Все шесть бежавших офицеров вскоре были задержаны крестьянами в Ирбитском районе и переданы милиции. 3 августа дело о их побеге было заслушано на заседании Екатеринбургской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В ночь с 3 на 4 августа они также были расстреляны.

¹ Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело... Вып. 19. С. 106.

² Цит. по: Там же. С. 107–110.

Остается добавить, что среди расстрелянных, чьи автобиографии и фотографии приводятся в статье Н. И. Дмитриева, указан подполковник Иннокентий Иннокентьевич Китновский (1878–1921). Выпускник Казанского пехотного юнкерского училища храбро воевал, защищая Россию. Командовал батальоном, 29 мая 1915 г. произведен в подполковники, а 7 ноября 1915 г. награжден Георгиевским оружием. Был ранен, после возвращения из германского плена, 27 августа 1918 г., мобилизован в белую армию. Как инвалид назначен начальником Новониколаевской унтер-офицерской школы, а затем переведен на фронт в качестве завхоза полка¹. На следующий год после публикации статьи Н. И. Дмитриева в редакцию пришел отклик историка из Барнаула А. Краснощекова, где сообщалось «небольшое» дополнение: «Судя по всему, Китновскому удалось скрыть факт активного участия в боях против Красной армии. Есть сведения, что летом-осенью 1919 г. он командовал 2-м штурмовым полком 3-й Сибирской штурмовой бригады (с августа 1919 г. в составе Сводной Сибирской дивизии)»².

Где герои, где палачи, где жертвы, решает каждый для себя. Споры о том, что первично, а что вторично, напоминают споры о том, что было раньше: курица или яйцо. На наш взгляд, красный и белый террор – это две стороны одного явления – трагедии гражданской войны.

Были ли у красных основания действовать столь жестоко? В докладе к 3-й годовщине Октябрьской революции в октябре 1920 г. утверждалось, что за год господства белых в Екатеринбургской губернии было расстреляно 18 тыс. человек³. В докладе председателя губЧК Тунгусова в июле 1920 г. отмечалось: «Один Верхотурский уезд дал 8 тысяч расстрелянных и замученных разными способами. Алапаевский уезд – шахты Кизилловских копей забиты трупами... Всего ЧК за 11 месяцев (август 1919 – июль 1920 г. – С. К.) было заведено 3777 дел с общим количеством обвиняемых 6229 человек. Приговорено: на принудительные работы – 853 чел., в концлагерь – 74, передано в народный суд 504 дела с 901 обвиняемым, в различные следкомы и другие судебные учреждения – 591 дело с 1021 обвиняемым, *расстреляно по 105 делам 122 человека* (курсив наш. – С. К.), освобождено по 1307 делам 2123 человека, то есть одна треть привлекаемых... Из общего числа осужденных амнистировано 592 человека... Кизилловские копи, могильные холмы, массовые расстрелы в царстве меньшевиков и 122 расстрелянных за год Советской Властью говорят сами за себя. Превращенные в тюрьмы и набитые доверху рабочими и крестьянами: Гостиный двор, Макаровская фабрика, Уездные тюрьмы у меньшевиков и 550 заключенных на всю губернию у большевиков сразу показывают, кто является узурпатором Власти»⁴.

Не скрывал Тунгусов в докладе и такие факты: «...банда в 29 человек поймана на месте преступления и ликвидирована. Главари расстреляны, остальные направлены на принудительные работы»⁵. Но и скрывать было что. Так, приказ, изданный в июне 1920 г. за подписью председателя губЧК и начсособотдела трудармии I Тунгусова, заведующего секретоперотделом губЧК Храмцова и секретаря губЧК Соловьева, был рассекречен только в 1990-х гг. Он гласил: «Приказ № 24 Екатеринбургской ГубЧК... 1. Арестовать и направлять в распоряжение Губчека для заключения в concentra-

¹ Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело... Вып. 19. С. 115.

² Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело... Вып. 20. С. 102.

³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 114.

⁴ Там же. Д. 70. Л. 48-50.

⁵ Там же. Д. 70. Л. 51.

ционный лагерь до 50 человек с каждого уезда наиболее видных контрреволюционеров... как то: бывших видных земцев, думцев, черносотенного духовенства, крупных торговцев, кулаков и т. п. 2. Аресты произвести разом, в один прием... Арестов одиночных, разрозненных, по 1–2 в волости отнюдь не допускать, ибо таковые, как показал опыт прошлых лет, не приводят ни к каким результатам и на оставшийся не изолированный остальной контрреволюционный элемент не производят никакого впечатления... 5. Всю операцию провести в контакте с Уездпарткомами и Уездисполкомами в наикратчайший срок и в крайнем случае не далее как в течение 10 дней со дня получения настоящего приказа»¹.

Желание отомстить за расстрелянных родных, товарищей, знакомых приводило к дальнейшей эскалации насилия. Попытки власти ограничить произвол были. Екатеринбургский губернский революционный комитет в приказе № 20, подписанном председателем Л. Сосновским, требовал: «Всем революционным и исполнительным комитетам губернии не производить арестов, а тем более не выносить никаких приговоров без ведома и разрешения Губернского Революционного Комитета и Губернской Чрезвычайной Комиссии... ко всем пытающимся воскресить позорные колчаковско-учредилловские расправы будет отношение, как к белогвардейцам... подавать письменные жалобы и заявления (следует. – С. К.) в президиум Губернского Революционного Комитета (Екатеринбург, бывший Окружной Суд)»².

Не обходилось и без злоупотребления со стороны администрации мест заключения. Порядок в городе стал интенсивно наводиться только с созданием надзорных органов 1 октября 1922 г. Как докладывал старшему помощнику прокурора Республики Крыленко екатеринбургский губернский прокурор В. Л. Горохов, «во всех Исправдомах, за исключением Нижнетуринаского, помощниками губернского прокурора произведена основательная, почти поголовная смена администрации с отдаением под Суд. Только в Екатеринбургском Исправдоме № 1 принятие решительных мер затормозилось отсутствием замены всех замеченных из администрации во взяточничестве. Здесь также предстоит поголовное смещение и отдаение под Суд... В Ирбитском исправдоме заключенные в течение нескольких недель не получали ничего, кроме кипятку, последствием чего были заболевания и даже смерть заключенных...»³.

Таким образом, борьба в годы гражданской войны велась не на жизнь, а на смерть. Разделить палачей и жертв чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Односторонние обвинения в терроре только красных, что превалировало в 1990-е гг., вряд ли оправданны. Историк И. С. Ратьковский в предисловии к своей книге «Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.)» пишет: «...многие стереотипные представления о практике белых репрессий не соответствуют имеющимся современным данным. При этом речь идет не только о масштабах антибольшевистского террора, по мнению автора, не уступавшего красному террору. Речь идет и о широкомасштабной практике применения концлагерей, заложников, пыток, регламентации репрессий, использовании отравляющих газов и многих других явлениях... Представляется, что только через дискуссии и уточнения, принятие фактов малой истории возможно создание объективной истории Гражданской войны в России»⁴. К этому трудно что-либо добавить.

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 56.

² Там же. Д. 103. Л. 10–10б.

³ Там же. Д. 479. Л. 59.

⁴ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). С. 20.

Список литературы

Агабеков Г., Думбадзе Е. ГПУ. М., 2018.

Белая армия. Белое дело: истор. науч.-популяр. альманах. Екатеринбург, 2017. Вып. 24.

Гягкуев Р. Г., Цветков В. Ж. Красный и белый террор // Революция и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.: фотоальбом. М., 2016.

ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 8. Л. 5, 44, 188, 213; Д. 10. Л. 64; Д. 46. Л. 125; Д. 53. Л. 1–24; Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 2. Л. 50, 195.

Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело: истор. науч.-популяр. альманах. Екатеринбург, 2011. Вып. 19–20.

Дмитриев С. По следам красного террора. Об историке С. П. Мельгунове и его книге // Наш современник. 1991. № 1.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990.

Политические репрессии на Урале. 1918–1953 гг. Екатеринбург, 2017.

Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017.

Ратьковский И. С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М., 2017.

ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 41. Оп. 1. Д. 103. Л. 10–106; Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 48–50, 56; Д. 479. Л. 59; Д. 780. Л. 114; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 82. Л. 2–9.

References

Agabekov G., Dumbadze E. GPU. M., 2018.

Belaya armiya. Beloe delo: istor. nauch.-populyar. al'manax. Ekaterinburg, 2017. Vyp. 24.

CDOOSO (Centr dokumentacii obshhestvennykh organizacij Sverdlovskoj oblasti). F. 41. Op. 1. D. 103. L. 10–106; F. 76. Op. 1. D. 70. L. 48–50, 56; D. 479. L. 59; D. 780. L. 114; F. 1494. Op. 1. D. 82. L. 2–9.

Dmitriev N. I. Pobeg iz zastenka // Belaya armiya. Beloe delo: istor. nauch.-populyar. al'manax. Ekaterinburg, 2011. Vyp. 19–20.

Dmitriev S. Po sledam krasnogo terrora. Ob istorike S. P. Mel'gunove i ego knige // Nash sovremennik. 1991. № 1.

Gagkuev R. G., Cvetkov V. Zh. Krasnyj i belyj terror // Revolyuciya i Grazhdanskaya vojna v Rossii. 1917–1922 gg.: fotoal'bom. M., 2016.

GASO (Gosudarstvennyj arxiv Sverdlovskoj oblasti). F. R-8. Op. 1. D. 8. L. 5, 44, 188, 213; D. 10. L. 64; D. 46. L. 125; D. 53. L. 1–24; F. R-149. Op. 1. D. 2. L. 50, 195.

Mel'gunov S. P. Krasnyj terror v Rossii. 1918–1923. M., 1990.

Politicheskie repressii na Urale. 1918–1953 gg. Ekaterinburg, 2017.

Rat'kovskij I. S. Xronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy (1917–1920 gg.). M., 2017.

Rat'kovskij I. S. Xronika krasnogo terrora VChK. Karayushhij mech revolyucii. M., 2017.